
ФИЛОСОФИЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПРАВО

УДК 7.01+830

ИДЕЯ «МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА»: ТРАДИЦИЯ ГЁТЕ В СОЧИНЕНИЯХ Г.Г. ШВИТТАУ

Г.М. Васильева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: vasileva_g.m@mail.ru

В статье речь идет о Швиттау, ученом, который занимался аналитической и практической работой в сфере статистики. Занятия экономической статистикой поддерживали в нем интерес к «культурной истории». Идея «международной кооперации», «международного сближения» – та общность, к которой можно апеллировать и от имени которой можно действовать. Она обладает большим семантическим потенциалом и высокой прагматической адаптивностью – по отношению к разным временам, народам. Идея «мирового хозяйства» рассматривается Швиттау на уровне идеальной модели как ценностно-нормативное согласие.

Ключевые слова: экономическая статистика, международное сближение, воля, ткань жизни.

THE IDEA OF «WORLD ECONOMY»: GOETHE'S TRADITION IN THE WRITINGS OF G.G. SHVITTAU

G. M. Vasilyeva

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: vasileva_g.m@mail.ru

The article refers to Shvittau, the scientist who was engaged in analytical and practical work in the branch of statistics. Economic statistics studies kept his interest in «cultural history». The idea of «international corporation», «international rapprochement» is the commonness that can be appealed to and acted for. It has high semantic potential and pragmatic adaptivity – in relation to various times, people. The idea of «world economy» is considered by Shvittau at the level of ideal model, as value and normative consent.

Key words: economic statistics, international convergence, will, material of life.

Имя экономиста Г.Г. Швиттау (1875–1950) сейчас почти неизвестно. Но заслуги ученого перед современным гуманитарным мышлением неизмеримы, авторитет безусловен. По традиции основной книгой Швиттау считается «Революция и народное хозяйство в России (1917–1921)», завершенная в 1921 г. в городке Фюрстенвальде на Шпрее. Он писал «о мировой войне, мировом капитализме, мировой революции и о призыве нашего времени»

[11, с. 11]. Но и ряд менее заметных, на первый взгляд, публикаций содержат материал, демонстрирующий потенциал Швиттау как методолога науки, культуролога. Он являлся интеллектуалом-новатором и в научной теории, и в общественной жизни. У него был достойный предшественник – А.Н. Егунов (1824–1807), один из первых экономистов-статистиков, отмеченный Герценом.

Усердный и последовательный труженик, Швиттау провел полвека в детальном изучении экономической статистики. Ученый занимался аналитической и практической работой в сфере статистики. Знал историю экономических идей, институциональную историю. Это был терпеливый труд по накоплению эмпирических знаний – с надеждой на то, что следующие поколения сумеют применить их для построения цивилизации, соответствующей чаяниям человеческого сердца.

Швиттау получил классическое гуманитарное образование. Выходец из немецкой семьи, он считал своей родиной русскую языковую и культурно-географическую среду. Занятия экономической статистикой поддерживали в нем интерес к «Kulturgeschichte». Ученый обосновывает классификацию социальных институтов. С одной стороны, «системы культуры» (хозяйство, право, наука, религия). С другой – внешняя организация общества (государство, политические партии, экономические союзы). Он хорошо представлял конвертацию финансового капитала в символический капитал – и обратно. Швиттау понимал, что в «скучных» финансовых выкладках содержится историко-литературный и человеческий смысл. Он размышлял о природе научного творчества вообще и в области гуманитарных наук в частности. Ученый был убежден, что «государственный бюджет всякой страны отражает в себе отличительные особенности своего народа» [12, с. 15]. Рассуждая о смете или о стадиях государственного бюджета в Англии, он обращается к практике Германии в области этих вопросов. От рассуждений о «порядке составления сметы в Пруссии» переходит к образу Фридриха Великого и проблеме просвещенного абсолютизма. В мире культурно-экономических явлений «домостроительство» связано с эстетико-аксиологическими размышлениями. Материальные условия вызывают известный исторический строй, вместе они обуславливают тот или другой род деятельности. И невозможно отделить одно от другого.

Свои главные работы ученый написал в период 1917–1923 гг., время болезненной социальной трансформации России. Как сказано в романе Т. Манна «Der Zauberberg» («Волшебная гора», 1924), «...ehedem, in den alten Tagen, der Welt vor dem großen Kriege, mit dessen Beginn so vieles begann, was zu beginnen wohl kaum schon aufgehört hat» [«...когда-то, в давние дни мира, перед великой войной, с началом которой началось столь многое, что едва ли уже переставало начинаться»] [19, р. 7]. Швиттау возлагал на революцию определенные надежды. Он с самого начала знал: любая революция несет в себе разрушительный потенциал, порождает опьянение властью, вседозволенность. Но считал, что это цена освобождения от застоя [4, 8]. Появилась возможность взамен старой интеллигенции создать новую – с иным сознанием и духовным строем. «Новая Россия» знаменовала становление уникального социума и уникальной культуры. Цель и ценность должны обусловить друг друга, образовать единое целое. «Молодая Россия это –

все те, кто на разрушенномъ нами прошломъ сотворить лучшее Будущее, кто вдохнетъ въ омертвелое ныне тело Россіи живую, великую Душу, кто вместо отрицанія и скорбнаго молчанія скажетъ свое положительное радостное утвержденіе» [9, с. III]. Катастрофическая идея – создание «нового человека» – проходит через всю радикальную мысль конца XIX – начала XX в. В словосочетании «новый человек» содержится признание алхимического происхождения этого образования. Возникает представление о душе, которую можно создать в реторте. Лабораторное существо рождается в алхимическом тигле «нового» государственного сообщества. Швиттау предлагал аргументы в пользу наступившего мира, чувствуя, что сам не мог стать его частью. Осознавал (и отчасти принимал) поставленные ему границы. Сравнивая ученых с художниками, он замечает: «Исследователь, как научный работник, в этом отношении имеет совершенно иную природу: он не может ограничиться блеском мысли или случайным непосредственным впечатлением; он, как Фома Неверный, необходимо тяготеет к тому, чтобы непосредственным прикосновением к действительности – как бы она ни была тяжела и мучительна – удостовериться в правильности и реальности своих отвлеченных представлений. И в этом отношении невозможность такого живого непосредственного соприкосновения со всем тем, что пережила и переживает сейчас Россия, часто мучительным образом отзывалось в душе автора, когда ему приходилось заглядывать в туманную для него даль сейчас там творящагося... С большим усилием ему удавалось сдерживать в себе порыв отчаяния, рассеивать сомнения, распутывать сбитые в кучу мысли, браться вновь за перо и доводить до конца раз начатое суждение» [11, с. 7].

Швиттау чувствовал эмоциональную причастность к политической жизни Запада. Он являлся сторонником экономического либерализма А. Смита и Д. Рикардо. В важнейших его произведениях преобладают либеральные и даже социалистические идеи, почерпнутые им во время длительных странствий по Германии и Англии. Прочитируем отрывок: «Эти три момента, которые образуют всякое народное хозяйство, сводятся къ следующему: прежде всего моментъ собственности, затемъ моментъ личной свободы и, наконецъ, третій моментъ – это моментъ инициативы, воли изъ хозяйственного интереса» [8, с. 5]. Ученый воплотил «интеллигентное», европейски цивилизованное начало русской культуры. Он утверждал необходимость участия России в общеевропейском развитии. Отмечал разрыв между высокой культурой и неудовлетворительным состоянием цивилизационной инфраструктуры. Она выражается в качествах быта: упорядоченность, дисциплина, уважение к форме, правильное составление смет и т.д. Их наличие приведет к благоустроенности, оформленности жизни.

Характерной чертой эпохи была значительно меньшая, чем в наши дни, дистанция между академической историей и неакадемическими представлениями. Идеи развивались в обостренной до трагизма атмосфере, принципиально отрицающей возможность «чистого» философского мышления. Например, в эти же годы Е.Д. Поливанов пытался построить марксистскую лингвистику. Швиттау с его заинтересованным и пристрастным отношением органично соединил в себе образы ученого и просветителя. Некоторые его печатные выступления можно воспринять как выражение *profession de foi*, по значению равное манифесту.

В этот период часто прибегали к литературному материалу для культурно-философских, этических, социологических выводов и обобщений. Так, Т.Г. Масарик в «Мировой революции» (1925) обращается к теме преодоления фаустовского начала [7]. Швиттау тоже использует стилистико-ситуационные парафразы «Фауста». Трагедию Гёте он воспринимает как историко-философскую параболу. Вкус к изящному выражению был для него не менее ценным, чем принцип разумной выгоды. Когда дело касается общественно-политических проблем, Швиттау говорит со всей силой монологической инвективы. Эмоциональные модусы содержания – трагический, героико-патетический – напоминают Гёте юношеской поры «Бури и натиска». Приведем «ненаучный» по тону и стилю пассаж. Он является продолжением «сюжета» и внесюжетной кульминацией, презумпцией замысла. Едва ли не одно из самых суггестивных мест явно форсирует основные мотивы целого и в этом смысле является ключевым. «Мировая трагедия еще не доиграна до конца. Господствующий над миром злой гений решил удержать занесенный над врагом окровавленный меч раньше, чем все человечество оказалось голодным и разутым. Со своей мифистифельской улыбкой злой гений решил как будто продлить мировое представление: дать время народам, доведенным в своей взаимной злобе и ненависти до бешенства, накопить новые силы и средства, чтобы ринуться вновь друг на друга еще в одной и быть может последней для них кровавой схватке» [11, с. 13]. В высказываниях появляются риторические штампы. Глаголы обретают прагматическое значение директивы: «не может не затронуть», «сотворить», «вдохнет», «скажет свое положительное радостное утверждение». Швиттау часто прибегает к курсивам. Паузы, завершающие мысль, интонационные (дыхательные) паузы внутри непрерывности мысли выделяют значимость отдельных слов и словосочетаний. При этом ученый смог удержаться в пределах чисто интеллектуальной страстности. И «не разбил» работу мысли порывами настроения (прежде всего, настроенная политического). Размышления выдержаны в благородных тонах философской публицистики.

О чем бы Швиттау ни рассуждал – о государственном бюджете, о прусской статистике XVIII в., «созданной трудами Фридриха Великого II» [14, с. 109], о современной политике труда на Западе – речь идет о поиске универсальных основ межличностного взаимодействия. «Въ живомъ служеніи этому делу, можно сказать, впервые у человека крепнет сознание своей солидарности со всемъ человечествомъ» [17, с. VII–VIII]. Эта идея сейчас кажется «общим местом». Тем не менее она имеет отношение к каждому. И воспроизводится на всех этапах развития социальной, художественной мысли, рефлексии о гуманитарном знании. Уже в силу этого аргументы Швиттау имеют не только историко-биографическую ценность.

Культурно-значимый лексикон в творчестве ученого организуют несколько определений. Они отличаются высокой частотностью употребления: процесс «все более теснаго мирового общенія»; «международное общеніе (какъ взаимоотношенія между субъектомъ и объектомъ мірового хозяйства)»; «міровое производство въ связи съ міровымъ общеніемъ»; «всё содержаніе экономической географіи, какъ науки о міровомъ хозяйстве»; «міровое хозяйство, какъ одно целое, определяемое естественно-географи-

ческими условиями нашей планеты». Идеи «международной кооперации», «международного сближения» – та общность, к которой можно было апеллировать и от имени которой действовать. Она обладает большим семантическим потенциалом и высокой прагматической адаптивностью – по отношению к разным временам, народам. Данная группа понятий используется ученым в аргументативно значимых контекстах.

По убеждению Швиттау, понимание «солидарности» вырастает из интересов человека. Братство – императив, исходящий от самой длящейся жизни. Человек в практическом опыте (прежде всякой науки) формирует умение интерпретировать проявления других людей, т.е. использовать правила коммуникации ради ее осуществления. Древние протосообщества демонстрировали объединительный потенциал: формы общинной жизни, коммунитарной близости.

Представление о мировом хозяйстве, мировом единстве человечества знакомо целому ряду научных дисциплин. Оно возникло в давние времена: в трудах историка Полибия (II в. до Р.Х.), теолога Павла Орозия (V в. по Р.Х.). Новейшие мыслители Кант, Гегель, Спенсер и другие связали историко-социологические построения с проблемой «всечеловеческого универсального прогресса» [11, с. 12]. Швиттау уделяет внимание динамической стороне социальной жизни – кооперации людей как представителей разных классов, сословий, культур, традиций [10, 13]. Эта позиция гуманитарного персонализма воплощена в трудах предшественников – В. Дильтея, Г. Когена, Ф. Розенцвейга. Человеческая жизнь и сознание рассматриваются в диалектическом единстве двух начал: суверенности личности как субъекта мысли, слова и социальности сознания, познания.

Межкультурный дискурс (глубинная структура) Швиттау скрывается и распознается на пересекающейся границе: между немецкой и русской философско-гуманитарной мыслью. Знания были вызваны к жизни не только знакомством с классическими произведениями, но впечатлениями от повседневной жизни Германии «со свойственным ее национальному духу живым откликом и интересом ко всему проистекающему» [11, с. 7]. Комплекс немецких влияний не получал у Швиттау немедленный и эффективный отклик. Он претворялся спустя какое-либо время, словно запаздывая, но тем самым дополнительно свидетельствуя о глубоком внутреннем переживании, осмыслении пришедшего извне эстетического импульса. В Германии возникали новые формы объединения. Например, общность иенских романтиков периода работы над журналом «Атены» (1798–1800), вдохновителем которой стал Ф.В. Шлегель. Она была основана на принципах братского единства знаний и талантов, предполагала возможность коллективного писательства.

Швиттау читал Гёте; его идеи он мог воспринять опосредованно, через произведения Герцена с их сложной жанровой структурой¹. Как известно, Гёте стал использовать термин «Weltliteratur» в 1827 г. Он старается осмыслить судьбу европейских сочинений в странах Востока, восприятие собственных произведений за рубежом. Для Гёте это понятие означает пре-

¹ Они включают в себя элементы беллетризованного социально-философского эссе, воспитательного романа, автобиографии, записок.

одоление идеи европоцентризма, замкнутой «национальной литературы». Швиттау дает коммуникации более широкое и специальное толкование: «міровое производство въ связи съ міровымъ общеніемъ» [9, с. 56], «исторія развитія идеи международного сближенія» [10, с. 114]; современная политика труда, регулирование промышленных конфликтов [15], трудовая помощь и попытка спасти рукодельные промыслы [6, 16, 17]. Но сохраняет основной круг значений: способность постигать ценностную категорию вещей и явлений. Имя поэта, немецкая культура играют особую роль в процессе формирования мысли ученого. Тем более, Гёте связывал мир бытового, культурного общения с семантикой экономических категорий². Талант Швиттау пребывает здесь в своей изначальной стихии, выражаясь исчерпывающим образом. Этот контекст наиболее соответствовал природе его интересов, убеждений, исканий, равно как и типу личности.

Ключевым в философии Швиттау является понятие «воли». Оно несет в себе экзистенциальную, а в некоторых случаях – эсхатологическую напряженность. Швиттау изучает «волю» как пространственно-временное явление, как феномен социальный и мифопоэтический. «Истинное усвоение сущности “воли” чрезвычайно важно для насъ именно въ переживаемый нами моментъ, когда такъ часто подъ свободой мы понимаемъ не истинную свободу воли, а свободу произвола и своеволия, въ принятомъ мною смысле. Но выяснение того, что мы называемъ волей, и что неразрывно связано съ ясностью сознанія и глубиной чувства – необходимо еще и для того, чтобы уяснить себе те особенныя задачи, которыя ставитъ себе современная наука объ обществе, – общественныя или социальныя науки, къ которымъ принадлежитъ и наука экономическая» [9, с. 15]. Воля обладает энтелехией, т.е. внутренней заданностью, императивом тождества самой себе. Не существует событий, внешних по отношению к человеческой воле. Данная проблема связана с теорией двойственной истины, развиваемой Джамбаттистой Вико в его «Новой науке» («Scienza Nuova», 1725), затем Гёте. Наряду со строго регламентированными истинами рационального мышления существуют истины, оправданные стремлениями воли. Истина разума противопоставлялась правде интуиции, религиозной веры, предания и т.д. Символы и образцы выражают глубинную суть природы и духа, «innere Form», согласно Гёте [21, р. 150–151]. Швиттау сохраняет позитивистское уважение к конкретным фактам. Но исходит из того, что понимание объекта исследования дается через переживание, раскрытие его «внутренней формы». Ученый замечал: «Наука со всеми устанавливаемыми ею научными положениями должна представляться намъ какъ единая живая, творческая сила. Наука не только должна расширять наше понимание міра, но и углублять наши чувства и укреплять нашу волю» [9, с. 13]. Ученого спасало от нормативности глубокое чувство живого многообразия природы и человечества, на «нелогичность» устройства которых он не раз указывал. Позволим себе дать пространную цитату. «Новыя сведенія, подчасъ малопроверенныя, а иногда и совершенно измышленныя досужими корреспондентами, нередко смуща-

² Например, Гёте содействовал развитию Йенского университета, стремился к его экономической модернизации. Принимал участие в устройстве новых научных, культурных институтов внутри университета и за его пределами [20, р. 31]. Эта реформаторская инициатива была предпринята в ряду других энергичных административных мероприятий.

ли меня въ моихъ научныхъ построенияхъ; чувствовалось, что вокругъ бужуется живая жизнь, которая не легко укладывается въ рамки строгаго научнаго мышленія ... и нередко это приводило меня въ отчаяніе. Но случайно мне попались слова покойнаго А. И. Чупрова которыя напомнили мне, что такова неизбежная судьба всякаго изследователя, который дерзаетъ своею мыслью проникнуть въ тайны безграничнаго “творчества жизни”. Вотъ что написалъ А.И. Чупровъ въ апреле 1903 г.: “Всю зиму я работал усердно, но, къ сожаленію, ничего не привелъ пока къ концу ... Все хочется захватить новыя матеріалы, но въ отделе, которымъ я занимаюсь, каждый день даетъ такъ много, что ограниченная сила духа подавляется этимъ неустаннымъ творчествомъ жизни”

При такихъ условіяхъ главнымъ утешеніемъ для изследователя должно быть то убѣжденіе, что всякое серьезное изученіе хотя бы и текущихъ событій, не можетъ не затронуть элементовъ, относящихся къ ихъ внутренней сущности. Эти же элементы могутъ и должны иметь значеніе помимо временнаго постоянства или непостоянства ихъ внешняго выраженія. Съ другой стороны, изследователь можетъ находить себе утешеніе и въ томъ, что то, что оказалось въ данную минуту не подъ силу “ограниченному духу” одного лица, со временемъ все же станетъ достояніемъ коллективнаго труда целаго ряда работниковъ въ области мысли» [15, с. III–IV]³.

Швиттау соотносил социальные понятія с автономной тканью общественной жизни, с ее сложными формами. Как и Гёте, он применял биологический термин «ткань» и старался ограничить вмешательство в нее. Длительная эволюция жизни несопоставима – по времени, масштабам, по координации и числу сплетаемых вместе элементов – с тем, что сможет сделать отдельный человек.

Идея «мірового хозяйства» рассматривается Швиттау на уровне идеальной модели как ценностно-нормативное согласіе [18, р. 405–452]. Она является чаяніем или рациональным, умственным конструктом, не имеет полного соответствія в действительности. Может быть задана индуктивно, путем обобщенія большаго числа эмпирических фактов. Имеет отношеніе к онтології, а не к политической программѣ. Кооперация предстает как сложный институт демократическаго представительства. Умственная деятельность Швиттау была рационально-аксиологической. Он мыслил *ad valorem*, ориентируясь на определенную систему духовных и материальных ценностей. Теорія Швиттау содержит эсхатологический элемент: попытку воплотить здѣсь, на землѣ, окончательное (идеальное) состояніе⁴. Исход-

³ По убѣжденію Швиттау, А.И. Чупров воплотил образ истиннаго ученаго. Ученики писали о его «геніальности сердца» и «проникновенности пониманія» [1, с. 7]. Чупров задачу экономиста понимал так: «коснуться двухъ существенныхъ пунктовъ, учреждений и идей, – показать, какъ люди думали и что они делали» [5, с. 3]. Он размышлял о сообществѣ, где прерываются социальные роли, мифы, идеологии, профессиональные разделенія. В особыхъ историческихъ обстоятельствахъ открывается общая судьба. К такимъ институциональнымъ единствамъ он относитъ музей [3].

⁴ В исторіи учений уже существовали такие экспериментальные конструкции. Фурье избражал общественную жизнь, согласно закону притяженія человеческихъ страстей; прояснял законы аттракцій. Он пользовался терминомъ «совокупность общественныхъ отношеній» в техъ контекстахъ, когда имелъ в виду индивида. Развитие является овладеніемъ максимумомъ в отношеніяхъ с другими людьми. Совокупные отношенія и есть активное состояніе единства.

ным моментом построений автора было понятие о человеке – цивилизованном, просвещенном, суверенном. Мироздание представлялось в виде стройного органического, осмысленного единства, адекватного высшему идеальному порядку. Обладая строгим и дисциплинированным умом, ученый стремился к разумной оформленности материала.

При изучении истории культуры Швиттау обращается, в первую очередь, к двум методам: генетическому и описательно-систематизирующему. Анализ причин возникновения культурного явления предшествует его феноменологическому описанию, выполняет вспомогательную функцию по отношению к последнему. При этом у Швиттау как экономиста имелись гораздо большие возможности опираться на объективные факты: строго измеренные и «расклассифицированные» характеристики. Философ помогал эмпирику Швиттау сохранить убеждение, что точные средства изучения, такие как статистика или эксперимент, при исследовании служат вспомогательными пособиями, руководимыми целенаправленной мыслью. И результаты, к которым с их помощью приходит ученый, не являются собственной целью исследования, а могут быть использованы для обобщающих выводов. Он переносит волновавшие его проблемы из сферы отвлеченного мышления в область статистики, экономики. Данный исследовательский подход является плодотворным. Например, понятие М.А. Барга «историческая культура» предполагает, что научное творчество развивается в широком культурном контексте [2]. Понятие это синкретично: оно позволяет охватить все формы исторического знания и представить их в виде цельного явления, миновав любые демаркации.

Таким образом, идея «международной кооперации», «мирового хозяйства» определяет интеллектуальную биографию Швиттау. Проблематика приобрела концептуальный драматизм. Русский экономист, мыслитель пытался обрести ту антропологическую основу, к которой культура пробивается каждый раз заново. К этой асимптоте она приближается, не достигая ее. Ученый создал широкий «семантический ландшафт», наметив путь к современному прочтению «общения идей». Не так важно, в какой мере Швиттау осуществил этот замысел. Главное, что он участвовал в решающем научно-гуманитарном событии двух столетий – одним из первых в России.

Литература

1. *Алексей Фортунатовъ*. Къ характеристике личности А.И. Чупрова. Изъ сообщенія, сделаннаго 20 ноября 1908 г. въ засѣданіи Общества взаимопомощи русскихъ агрономовъ и Московскаго общества сельскаго хозяйства. Отгиск статьи. 7 с.
2. *Барг М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль. 1987. 348 с.
3. Докладъ по поводу Политехническаго музея. Докладъ этотъ, составленный по порученію Совета Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній членомъ его А.И. Чупровымъ, читанъ и принятъ въ засѣданіи Совета 19 октября 1870 года. М.: Типографія А.И. Мамонтова и К., 1870. 12 с.
4. *Ивонин Ю.П., Ивонина О.И.* Враги империи. Историческая компаративистика «Русской социологической школы» // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 288–299.
5. История политической экономіи. Лекціи заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета А.И. Чупрова. Издалъ, съ

- разрешения автора, профессоръ Новороссийскаго университета В.А. Косинскій, какъ руководство для своихъ слушателей. 2-ое издание, перепечатанное безъ изменений съ изданія 1892 г., 1907. 224 с.
6. *Кормул-Гулес Э.* Трудовая помощь: Труд, удостоенный награды Французской Академии Наук и Академии моральных и политических наук / под ред., с введ. и примеч. Г.Г. Швиттау; с предисл. Л. Буржуа. С.-Петербург, 1914. 664 с.
 7. *Масарик Т.Г.* Мировая революция. Воспоминания: В 2 т. / авторизован. пер. с чеш. Н.Ф. Мельниковой-Папоушек. Прага: Пламя-Орбис, 1926. Т. 1. 239 с.
 8. *Швиттау Г.Г.* Основы капиталистическаго строя (Лекція, читанная на политическом семинаре) / издание Агитационной секціи Центрального Комитета Объединеннаго Студенчества г. Одессы. Одесса: Типо-Литографія Штаба Одесскаго Военнаго Округа, 1917. 20 с.
 9. *Швиттау Г.Г.* Соціально-экономическіе очерки. Одесса: Книгоиздательство А.А. Ивасенко, Дерибасовская, 20, 1918. 184 с.
 10. *Швиттау Г.Г.* Русская кооперация на международномъ рынке. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1920. 231 с.
 11. *Швиттау Г.Г.* Революция и народное хозяйство в России (1917–1921). Лейпциг: Центр. Т-во Кооперативнаго изд-ва, 1922. 378 с.
 12. *Швиттау Г.Г.* Государственный бюджетъ въ Англии (Историко-сравнительный очеркъ). С.-Петербургъ: Типографія Тов-ва «Общественная польза», Б. Подъячская, 39, 1906. 40 с.
 13. *Швиттау Г.Г.* Профессіи и занятія населенія. Опытъ критико-методологическаго изслѣдованія въ области экономической статистики. С.-Петербургъ: Типографія Ю.Н. Эрлихъ, Садовая, № 19, 1909. 324 с.
 14. *Швиттау Г.Г.* Введеніе въ экономическую статистику. С.-Петербургъ: Тип. Ю.Н. Эрлихъ (влад. А.Э. Коллинсъ), Мал. Дворянская, 19, 1910. 144 с.
 15. *Швиттау Г.Г.* Промышленные конфликты. Экономическое изслѣдованіе въ области современной политики труда на Западе. С.-Петербургъ: Типографія Ю.Н. Эрлихъ (влад. А.Э. Коллинсъ, Мал. Дворянская, 19), 1911. 486 с.
 16. *Швиттау Г.Г.* Кустарная выставка и съезд кустарей въ Петербурге. С.-Петербургъ: Госуд. типографія, 1913. 13 с.
 17. *Швиттау Г.Г.* Трудовая помощь въ Россіи. Часть 1. Петроградъ: Типографія Ю.Н. Эрлихъ, Мал. Дворянская, 19, 1915. 219 с.
 18. *Hauser A.* Philosophie der Kunstgeschichte. München: C.H. Beck, 1958. 463 p.
 19. *Mann T.* Der Zauberberg // Mann T. Gesammelte Werke: In 14 Bd. / Hrsg. von P. de Mendelssohn. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. 1071 p.
 20. *Müller G.* Vom Regieren zum Gestalten. Goethe und die Universität Jena. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2006. 802 p.
 21. *Walzel O.* Gehalt und Gestalt im Kunstwerk des Dichters: Handbuch der Literaturwissenschaft. Potsdam: Athenaion, 1923. 180 p.

Bibliography

1. *Aleksej Fortunatov#.* К# харakteristike lichnosti A.I. Chuprova. Iz# soobshhenija, sdelannago 20 nojabrja 1908 g. v# zasedanii Obshhestva vzaimopomoshhi russkih# agronomov# i Moskovskago obshhestva sel'skago hozjajstva. Ottisk stat'i. 7 p.
2. *Barg M.A.* Jepohi i idej: Stanovlenie istorizma. M.: Mysl'. 1987. 348 p.
3. *Doklad# po povodu Politehnicheskago muzeja. Doklad# jetot#, sostavlenyj po porucheniju Soveta Moskovskago Obshhestva rasprostraneniya tehniceskikh# znanij chlenom# ego A.I. Chuprovym#, chitan# i prinjat# v# zasedanii Soveta 19 oktjabrja 1870 goda. M.: Tipografija A.I. Mamontova i K., 1870. 12 p.*
4. *Ivonin Ju.P., Ivonina O.I.* Vragi imperii. Istoricheskaja komparativistika «Russkoj sociologicheskoy shkoly» // Vestnik NGUJeU. 2013. № 4. P. 288–299.

5. *Istorija političeskoj jekonomii. Lekcii zaslužennago ordinarnago professora Imperatorskago Moskovskago universiteta A.I. Chuprova. Izdal#, s# razreshenija avtora, professor# Novorossijskago universiteta V.A. Kosinskij, kak# rukovodstvo dlja svoih# slushatelej. 2-oe izdanie, perepechatannoe bez# izmenenij s# izdanija 1892 g., 1907. 224 p.*
6. *Kormul-Gules Je. Trudovaja pomoshh': Trud, udostoennyj nagrody Francuzskoj Akademii Nauk i Akademii moral'nyh i političeskikh nauk / pod red., s vved. i primech. G.G. Shvittau; c predisl. L. Burzhua. S.-Peterburg, 1914. 664 p.*
7. *Masarik T.G. Mirovaja revolucija. Vospominanija: V 2 t. / avtorizovan. per. s chesh. N.F. Mel'nikovoj-Papoushek. Praga: Plamja-Orbis, 1926. T. 1. 239 p.*
8. *Shvittau G.G. Osnovy kapitalističeskago stroja (Lekcija, chitannaja na političeskom seminare) / Izdanie Agitacionnoj sekcii Central'nago Komiteta Ob#edinennago Studenčestva g. Odessy. Odessa: Tipo-Litografija Shtaba Odesskogo Voennago Okruga, 1917. 20 p.*
9. *Shvittau G.G. Social'no-jekonomičeskie očerki. Odessa: Knigoizdatel'stvo A.A. Ivasenko, Deribasovskaja, 20, 1918. 184 p.*
10. *Shvittau G.G. Russkaja kooperacija na mezhdunarodnom# rynke. Berlin: Izd-vo I.P. Ladyzhnikova, 1920. 231 p.*
11. *Shvittau G.G. Revolucija i narodnoe hozjajstvo v Rossii (1917–1921). Lejpcig: Centr. T-vo Kooperativnogo izd-va, 1922. 378 p.*
12. *Shvittau G.G. Gosudarstvennyj bjudzhet# v# Anglii (Istoriko-sravnitel'nyj očerok#). S.-Peterburg#: Tipografija Tov-va «Obshhestvennaja pol'za», B. Pod#jacheskaja, 39, 1906. 40 p.*
13. *Shvittau G.G. Professii i zanjatija naselenija. Opyt# kritiko-metodologičeskago izsledovanija v# oblasti jekonomičeskoj statistiki. S.-Peterburg#: Tipografija Ju.N. Jerlih#, Sadovaja, № 19, 1909. 324 p.*
14. *Shvittau G.G. Vvedenie v# jekonomičeskiju statistiku. S.-Peterburg#: Tip. Ju.N. Jerlih# (vlad. A.Je. Kollins#), Mal. Dvorjanskaja, 19, 1910. 144 p.*
15. *Shvittau G.G. Promyshlennye konflikty. Jekonomičeskoe izsledovanie v# oblasti sovremennoj politiki truda na Zapade. S.-Peterburg#: Tipografija Ju.N. Jerlih# (vlad. A.Je. Kollins#, Mal. Dvorjanskaja, 19), 1911. 486 p.*
16. *Shvittau G.G. Kustarnaja vystavka i s#ezd kustarej v# Peterburge. S.-Peterburg#: Gosud. tipografija, 1913. 13 p.*
17. *Shvittau G.G. Trudovaja pomoshh' v# Rossii. Chast' 1. Petrograd#: Tipografija Ju.N. Jerlih#, Mal. Dvorjanskaja, 19, 1915. 219 p.*
18. *Hauser A. Philosophie der Kunstgeschichte. München: C.H. Beck, 1958. 463 p.*
19. *Mann T. Der Zauberberg // Mann T. Gesammelte Werke: In 14 Bd. / Hrsg. von P. de Mendelssohn. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. 1071 p.*
20. *Müller G. Vom Regieren zum Gestalten. Goethe und die Universität Jena. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2006. 802 p.*
21. *Walzel O. Gehalt und Gestalt im Kunstwerk des Dichters: Handbuch der Literaturwissenschaft. Potsdam: Athenaion, 1923. 180 p.*